

В год Памяти и Славы, в преддверии великого праздника нашего народа – Дня Победы, самое пристальное внимание и уважение вызывают произведения, освещающие тяжелейший путь Великой Отечественной войны. Одним из таких выдающихся произведений военной тематики по праву можно назвать выдержавшую несколько изданий документально-художественную книгу «Поле заживо сожженных», написанную подвижником трагической темы чудовищного фашистского геноцида мирного населения на оккупированных в годы войны советских территориях – основателем и руководителем общества «Поле заживо сожжённых» им. Э.А. Хлысталова (2007), писателем и публицистом Владимиром Фомичёвым. С 2014 года он ведёт это исследование, очень плотно и плодотворно сотрудничая с замечательным журналистом Виктором Кожемяко, чьи произведения широко представлены в «Приложении» к новинке, о которой идёт речь. Вместе эти два самоотверженных борца за историческую справедливость трижды выпустили дополненные издания сборника «Сожжённые заживо взывают к нам», составленного по публикациям в газете «Правда», где всю жизнь трудится Виктор Кожемяко, а последние шесть лет ведёт неустанную работу по разблокированию информации о подобных «пылающих кладбищах» в годы адского фашистского оккупационного режима.

Издание Владимира Фомичёва в первую очередь включает пронзительные

свидетельства о последствиях огненно-красной оккупации на Смоленщине, где было казнено и замучено 546 тысяч мирных граждан, уничтожено более 5 тысяч сёл и деревень, около 300 из них были сожжены вместе с жителями – женщинами, детьми, стариками. Жестокий огненный смерч пронёсся тогда над советской землёй, прервав миллионы жизней, золой разметавшихся над миром и взывающих к нам своим святым чувством возмездия, молчаливым горьким призывом к вечной Памяти. И книга «Поле заживо сожжённых» стала достойным памятником отчего слова жертвам беспрецедентного гитлеровского террора.

Об этой книге, всеобъемлющей целый жизненный пласт, сказали своё весомое слово известные учёные, публицисты, общественные деятели. Набатом прозвучала объёмная информация в Общественной палате России, на федеральном канале НТВ, в историческом музее-парке на Смоленщине, в периодических изданиях: «Петровка, 38» и «Спецназ России», в газетах «Слово», «Правда» и на многих других общественных трибунах и площадках.

Наша беседа о книге «Поле заживо сожжённых» состоялась и с известным российским поэтом и публицистом, лауреатом премии Ленинского комсомола, Государственной премии РСФСР им. А.М. Горького, Международной премии им. М.А. Шолохова, сопредседателем общества «Поле заживо сожжённых» им. Э.А. Хлысталова, более 30 лет являвшимся проректором и

руководителем Высших литературных курсов Литературного института им. А.М. Горького – Валентином Сорокиным. Это ему принадлежат такие важнейшие для движения Памяти слова: «Замалчивание исторической правды о геноциде советского народа в годы фашизма – есть преступление, равное самому фашизму!»

Интервью взяла его ученица, староста поэтического семинара ВЛК выпуска 2012-2014 г., кандидат филологических наук, поэтесса, публицист и литературовед, член Правления Московской городской организации Союза писателей России – Нина Попова. И эта вдумчивая, содержательная беседа с наставником вполне закономерно переросла в гораздо большее – она превратилась в глубокие размышления о войне и мире, об испытаниях, свершениях и судьбе нашего народа, об общенациональном многоголосье русской литературы, о роли литературы и каждого писателя в увековечении памяти. Следует отметить, что всё вытекало из книги «Поле заживо сожжённых» и всё возвращалось, закольцовывалось на ней.

Н.П.: Валентин Васильевич, как можно оценить значимость книги «Поле заживо сожжённых», деятельность общества «Поле заживо сожжённых» им. Э.А. Хлысталова, нравственный и гражданский подвиг Владимира Фомичёва как писателя, как исследователя, как гражданина?

В.С.: Трагедия народов наших – это общая трагедия и общая тема, тема война и тема писателя. Мы живём единой землёй, единой Родиной, единой Победой, единым Словом. И этим единым словом мы скажем о пережитом горе, пережитой трагедии. Я считаю, что если бы в каждой области, каждом крае появился бы свой Фомичёв, который общую народную па-

мять воссоздал своим Словом, то все заглодировали бы. Книга «Поле заживо сожжённых» прекрасно оформлена, она с движением слова, с движением памяти. Это книга – своеобразный судебный процесс над теми извергами, которые прошли по Европе, уничтожая целые государства, целые народы. И пока существует планета – это будут помнить.

Мне позвонили недавно из Белоруссии и рассказали, что там о каждом районе, крае, где происходили бои во время Великой Отечественной войны, они будут подробно говорить. Молодцы! Будет общая книга, учебник будет. Но такая книга должна быть в каждом крае, даже в тех, которые не были оккупированы. Ведь у нас нет ни одного селения, где бы ни погибли защитники... Вот этим и должен заняться Союз писателей! Более того, должен быть единый предмет, единый учебник для всех школ мира по этим вопросам, где было бы это общее отношение к земле, к природе, общее отношение друг к другу, к миру, к совести, к трагедиям и победам нашим! А у нас, даже у нас, нет единой книги в государстве. А она должна быть!

А Фомичёв и Кожемяко сделали огромный шаг в этом направлении! И я скажу – они одни из пишущих так фактово, так детально, так документально, так отдавая всего себя! И это очень важно! Ведь наша молодёжь, прочитав такие книги, вникнув в них, посетив могилы погибших и т. д., общаясь с так много пережившими, станет такой же крепкой, попробуй их потом куда-то заманить, разве они предадут Отечество?! Мне кажется, что эти книги, которые рассказывают о нашей общей трагедии, должны преподаваться в школах, в вузах. А в Смоленске – это точно!

Их книги, их публикации – память всех советских Хатыней, набат нашей святой истории! Когда я читаю эти материалы, читаю все произведения Владимира Фомичёва, я отчётливо понимаю, какой он

молодец, что его уже никто не поколеблет в его достижениях, в целях его. Иногда он говорит это с такой болью, с таким гневом и с таким доказательством правоты своей, что даже читать бывает очень горько. Он доказал – уже лет двадцать на моих глазах это происходит – что все эти годы посвятил этой жизни, посвятил этой горькой цели, трагедии своей родной Смоленщины. Это же ужас, какой творился – 300 деревень с живыми людьми были уничтожены огнём за годы оккупации, 300! И кого уничтожили, кто там жил? Старшие ушли, молодые мужа, ребята молодые, ушли воевать, значит, остались совершенно безвинные люди – жёны, вдовы, бабушки, дедушки и дети. Какие к ним можно предъявить претензии? Сжигать вместе с домом, заборами, оградами, вместе с банями, уничтожить до золы...

И сам Владимир Фомичёв прошёл в детстве через этот кошмар. Он был в школьном возрасте, когда их с мамой, братом и сестрой, со всеми одноклассниками – несчастных! – загнали в большую избу и подожгли. Ужас! И этот маленький мальчик всё видел и понимал, что их всех собираются сжечь заживо. Он видел, как обожжённые женщины тушили друг на друге пламя... Позже, уже взрослым, он напишет: *«Гудел огонь в пазах. /Ему до самой смерти гореть в моих глазах!»* Но тогда изверги получили известие, что близко наступают красноармейцы, и, боявшись скорой заслуженной мести, в последний миг выпустили из огненной пасти обречённых людей.

И много друзей Володи Фомичёва подверглись этому кошмару – Бычков Пётр Афанасьевич тоже всю жизнь несёт этот крест святой памяти и тоже пережил это и также был спасён. И он помогает В. Фомичеву все эти годы. Помогает и Лемешев Михаил Яковлевич, учёный, доктор наук, он был депутатом. И не было раньше дня, чтобы мы не занимались этим вопросом.

И я тоже им помогал в этом – мы организовали в печати публикации, встречи, вечера, посвящённые этому, приходили участники войны, люди, которые пережили многое. И приходили вдовы погибших, потрясающие были вечера...

И я считаю – мало того, что надо возбудить эту память в этом крае, именно книга подтолкнула меня к такой мысли – нужно провести счёт погибшим в каждой республике, каждой области России!

Н.П.: На оккупированной немецко-фашистскими захватчиками территории СССР повсеместно проводились массовые карательные акции в соответствии с директивой Кейтеля от 23.07.1942 г. и приложением к нему «О применении жестоких мер к населению, оказывающему сопротивление оккупационным властям». Согласно этим документам, мирное население не имело никакого правового статуса, и, тем самым, выводилось из-под всяких норм военного права, практически приравниваясь к животным, подлежащим уничтожению по воле хозяина. Пожары не было ни детям, ни старикам, ни женщинам... Как можно оценивать такие чудовищные преступления, противоречащие человеческой природе и пониманию?

В.С.: Я думаю, что эта горькая трагическая тайна до сих пор оставляет свой след в мире. Гитлер призывал убивать, убивать и ни о чём не думать. Москву он хотел затопить, уничтожив всех жителей, чтобы по этому рукотворному морю под парусами ходили его солдаты-победители... Но это же сумасшествие, не правда ли? Нормальный человек не может так сказать. И эта закваска такая, что я живу, и больше ни одно мыслящее существо не существует кроме меня на планете. Так же нельзя жить! Но фашисты – это только часть народа. Например, немецкая коммунисти-

ческая партия оказывала сопротивление фашизму в Германии. Я был в ГДР, они так нас встречали! И невиноватые каялись за виноватых. Так что народ всегда можно разделить. Когда появляется личность, даже если она лживая, жестокая, но она снабжена очень могучей возможностью говорить, вербовать, агитировать, – она всегда найдёт себе сторонников.

И я думаю, что весь писательский мир должен всемерно освещать, всемерно проносить эту боль через свою судьбу. Очень много занимался этим вопросом Иван Акулов, который прошёл всю войну, ушёл рядовым, вернулся майором, был ранен фашистским снайпером на усадьбе Тургенева, дошёл до Берлина. Таких же взглядов придерживался и Борис Можаяев, Юрий Бондарев, Виктор Астафьев, Фёдор Абрамов, эти потрясающие люди! Когда я вёл главную редакцию издательства «Современник», мы часто все собирались. И когда мы собирались, я сидел и слушал их, ни слова не произносил, потому что это были потрясающие рассказы о битвах, о верности и любви, о том, что значит Родина для человека. И если это чувство не живёт в человеке, человек никогда не может быть полноценным человеком. Никогда!

Почему эти фашисты дошли до того, что им всё равно как мух давить людей? Да потому, что они потом ведь сдали всё своё... Значит, у них не было этой высокой любви к Родине. И я считаю, что у Гитлера такой любви тоже не было, это просто фанатик, который решил овладеть миром, планетой, а вот этого чувства высокого у него не было. Потому что, если у человека есть великое чувство Родины, тогда у него есть это чувство и к другому народу, другой родине, другой беде.

Н.П.: Валентин Васильевич, сейчас всё больше и больше является примеров явной фальсификации истории, очерняются итоги нашей Великой Победы,

мажутся грязью святые имена солдат и маршалов-победителей. Как, на Ваш взгляд, можно всё это пресечь?

В.С.: Как пресечь? Ни на один день, ни на один час не забывать, что пережили наши люди и наш народ, нужно как можно часто говорить об этом, не давать забыть и исказить всё этим омерзительным типам, которые всячески пытаются оклеветать и опорочить всех и всё. Вот сейчас идёт такой натиск на нас от тех, которым до сих пор снится Гитлер, от тех, кто до сих пор недоволен, что было разгромлено это звериное нашествие. Сегодня это целая программа – как можно больше вывозить, опозорить лжой, ненавистью оклеветать русский народ. Я вообще считаю – на любой народ может смотреть с ненавистью только негодяй! И доказательство их лжесвидетельств должно стать одной из главных тем каждого действующего человека.

Мы должны вернуться к памяти о полководцах наших, к памяти о героях наших, памяти о рядовых наших. Разве у нормального человека повернётся язык оскорбить их, тем самым оскорбляя нашу Родину!? А потом, кто погибал в войне? Погибали молодые, сильные, отважные, и наша литература пока ещё не глубоко коснулась темы, сколько погибло самых крепких и нужных, сколько осталось вдов, невест – так и не вышедших замуж, а ставших вдовами? Миллионы... А сколько нерождённых детей? Мы об этом мало говорим.

Поэтому, я думаю, надо обратить внимание на то, чтобы каждая область сама проверяла, сколько погибло, сколько не вернулось из армии, какие подвиги они совершили. Это и будет нашим ответом на всю эту ложь.

Вот в моём родном Зилаирском районе, хоть он и небольшой, – 12 Героев Советского Союза, ни одного попавшего в плен... И это не значит, что все они единой

нации! Представляете, какой народ, какие края, сколько там погибло?! Только в моём казачьем хуторе в каждом доме 2-3 человека погибло, а в одном доме даже 4 погибло – три сына и отец. И вот на моих глазах хутор прекращал жить... Поэтому Фомичёв вот об этом как раз и говорит – 300 поселений вместе с безоружными и безвинными мирными жителями до золы уничтожить только в одной Смоленской области!

Поэтому нужно, чтобы собрались руководители сильных государств – пусть их будет немного, и договорились прекратить друг друга пугать вооружением, а наоборот – договариваться о том, как нам сберечь народ, как помочь народу по-другому, как соседствовать народам, как сберечь планету нашу, это же мать всех наших народов! Только тогда мы достигнем мира и дружелюбия, если поймём, что планету, на которой мы живём, надо ещё больше беречь, потому что неизвестно, какое грядущее ожидает нас. Не известно...

Н.П.: Почему же, спустя 75 лет, в стране-победителе этот отсвет пожарищ тысяч советских деревень так скудно освещён в памятных мемориальных объектах, документах и мероприятиях, нет ни одного общенационального памятника или мемориала?

В.С.: Да... Ведь это кто-то же делает! Разве мудрые руководители страны помешали бы этому? Значит, кто-то обрабатывает так этот вопрос в стране, столько пережившей – в мире нет такой трагедии, которую пережила наша Родина с вами. И дай Бог, чтобы равная такая трагедия больше не повторялась на земле! И общий памятник, общий музей, общая память – должны быть, они должны быть созданы красивыми, глубокими, с трагедией, с благодарностью, с вещей памятью.

Н.П.: На Ваш взгляд, какую помощь деятельности общества «Поле заживо сожжённых» может оказать литературный мир? Ведь Вы лично, являясь сопредседателем и активным членом этого общества, так много сделавшим для популяризации этого движения памяти, знаете все его победы, все трудности и проблемы изнутри.

В.С.: Сейчас нет чёткой программы, нет общего плана действий, нет возможности привлечь внимание и на эту выдающуюся книгу, и на составителей сборника на основе публикаций в газете «Правда» с 2014 года – «Сожжённые заживо взывают к нам», совершивших великий подвиг. Надо всем Союзам писателей всесторонне обсудить тему, которую поднимают Фомичёв и Кожемяко, обсудить её с той же самой любовью к погибшим, к воинам нашим, защитникам нашим, с той же самой отвагой к правде, к истине, как они говорят об этом. Я часто думаю, что все писательские организации, а их сейчас много расплодилось, должны прийти к одному Союзу России, куда войдут самостоятельными организациями все многочисленные Союзы писателей разных направлений, став единым Союзом. Вся литературная жизнь изменится сразу, литература изменится сразу. И государство будет слышать этот Союз писателей, а не отмахиваться от него. И тогда мы активно поможем всем движениям памяти, окажем помощь в создании памятников и мемориалов.

Н.П.: Какие ещё проблемы мог бы решить единый Союз писателей?

В.С.: Тогда решится проблема с тиражами. Ведь что с ними натворили! Вот я посмотрел, книга эта издана тиражом очень маленьким, да ещё и за свой счёт, разве это возможно для такой исторически важной книги? А у нас раньше «Роман-газе-

та» выходила тиражом 18 миллионов! Это какое же образование получил всякий желающий?! И цена книги была такой, что каждый рабочий, независимо от зарплаты, мог её приобрести. А не та цена, что сейчас.

И такая вот разухабистость отрицательная не может быть ликвидирована без очень чётко и едино организованного Союза писателей России. Писатели должны работать в едином пути, в едином вопросе, в единой боли и в единой радости. Тем более – мы многонациональная страна, и если мы это забудем, то может снова повториться трагедия войны. И единый Союз писателей России – единственный путь душевного равновесия. Это как религия, как молитва, снова Слово воздействовало бы на дружелюбие, нельзя допускать никаких разногласий, ссор между народами.

Сейчас смотришь – приедет откуда-то, из какой-то другой страны, там он отирался лет 5-10, и тут же начинает учить нас, как нам жить. А вот я вспоминаю, например, такие вещи, что в РСФСР, самой большой республике Советского Союза, вообще не было разницы, откуда кто приехал – брат есть брат, мы одни. Наоборот, даже гордились. Я в школе учился, мы ходили в школу за 5 километров от нашего хутора, в 7-8 класс, ходили татары, башкиры, чуваша, мордва... Мы так гордились этим, что мы все представляем свой народ, все разные и все едины, и когда возвращались – команда огромная, то наши бабушки, мамы наши, отцы даже, деды выходили, то аплодировали нам. Ну как это забыть?

НП.: Могли бы Вы привести примеры деятельности других писателей по теме истории Отечества, теме истории литературы и культуры нашей?

В.С.: Возвращаясь к Владимиру Фомичёву, ещё раз хотел бы сказать, что у него

в творчестве всегда есть любовь к солдату, любовь к народу. Мы с ним вместе работали, он был редактором отдела прозы. Я к нему отношусь так – ни одна свинцовая пуля ни одного врага не заставит его предать Отечество, вот так я к нему отношусь! Нужно уважать Фомичёва за его правду, за его боль, за его верность Отечеству и народу! И ещё нам следует сказать о работе Станислава Куняева – какая работа! – «К предательству таинственная страсть». Вот он как раз говорит о тех годах, когда в нашей литературе зарождалось это предательство. Он говорит о тиражах... Дело в том, что он – единственный из оставшихся в живых поэтов московских, который знает всю московскую литературную жизнь тех лет. И более отважно и более честно, чем он, никто больше не говорит и уже не скажет! Александр Бобров – тоже молодец! Он стоит на своём, сколько лет я читаю его – он лица не меняет своего!

Я понял – при советской власти были литературные кружки потрясающие. И я думаю, что вся структура и план действий, ради которого был создан СССР, были уникальные, по этой схеме можно было организовать жизнь планеты, жизнь народов. Вот посмотрите, я мартеновец, у нас было пролетарское рабочее литературное объединение «ЧМЗ» – Челябинский металлургический завод, к нам приезжали из всех вузов Челябинской области, и я следил – есть ли разница в образовании, начитанности между сталеваром и студентом – будущим педагогом, историком или математиком... Нет! Иногда я видел даже, что сталевар знал больше. Вот какая начитанность была у людей! Из нашего литобъединения вышло 18 членов Союза писателей СССР.

Борис Ручёв приезжал к нам, Василий Фёдоров, Людмила Татьяничева. Они опекали нас, говорили с нами, были в наших домах, следили на нашими успехами. О, какие они были изумительные, эти стар-

шие наши! Михаил Львов – он был моим старшим товарищем, недалеко жил от меня. Вот один раз ночью он мне звонит и говорит: «Ты знаешь, что я сейчас делаю? Я стою на коленях перед иконой Христа (хотя он и татарин, но православной веры), молюсь и благодарю Бога за великий русский язык!» А сейчас у нас отменили всеобщие вечера общенациональные, переводческий мир у нас тоже никем не опекается, никем не контролируется.

И мы обязательно должны касаться нашего литературного мира. Вот те же Акулов, Можаяев, Бондарев и другие наши фронтовики – это же наша совесть! Вот сколько я жить буду, никогда не забуду – Можаяев перед разрушением СССР так переживал, что попал в больницу, понимая, какая вершится трагедия. Оттуда мне звонил: «Валя, Валентин, попрощайся с деревней, опять будут её разрушать!» И у меня слёзы, голос его слышу, прямо не могу... А Иван Иванович Акулов, у него потрясающие романы о войне, о крестьянах наших, такая истина у нас, такая молитвенная беседа всегда были... Когда началось разрушение Родины нашей, Советского Союза, прихожу к нему, а он говорит: «Вот Валя, я сказал всё, третий день думаю, нигде я не солгал, я всё сказал, всю причину. А теперь я сижу и думаю – я скоро умру и ты меня будешь хоронить». И вскоре он ушёл из жизни...

И если бы обратили внимание на то, о чём говорили в те времена Акулов, Можаяев, Абрамов, Бондарев – можно было многое избежать и исправить.

Н.П.: Вам ещё не было и шести лет, когда началась война. Расскажите о Ваших личных воспоминаниях тех горьких военных лет.

В.С.: Я маленький совсем был тогда. У меня мама была очень верующий человек, родила восемь детей. Вот, помню, папа уходит на фронт, в декабре месяце

его забирали в армию, мороз на Урале страшный, стоит лошадь, санки запряжены, он выходит, а мы все выбегаем его провожать – кто оделся, кто нет, он оглянулся и давай нас в охапку и загонять в тепло, домой. А я сижу после этого, смотрю – а мама золотистоволосая была, большеглазая такая, глаза иконные, – она стоит на коленях перед иконой и молится, а я с печки наблюдаю, потом говорю: «Мама, что ты так молишься?» А она говорит: «Чтобы папа вернулся, чтобы Бог его сберёг!» И вымолила папу. Он, конечно, пришёл на костылях, но вернулся...

Уже перед самой папиной смертью я прилетел домой из Москвы, и спросил папу, отчего у него после войны всю жизнь провисел над койкой портрет Жукова? «Потому, сынок, – ответил он мне, – вот расти, мудрей и думай – он нигде и ни разу не предал Родину и меня!»

Н.П.: За свою поэму «Бессмертный маршал» Вы получили Международную премию имени М. А. Шолохова в области литературы и искусства. Это от отца, из детства, у Вас такая любовь к маршалу Жукову?

В.С.: Да, оттуда. Я его так любил, так уважал. Однажды сижу за столом в «Молодой гвардии», раздаётся звонок, я беру трубку: «Да, я Вас слушаю!» – «Кто меня слушает?» Говорю, что Сорокин, зав. отделом. «Поэт Валентин Сорокин?» – спрашивает. – С Вами говорит маршал Жуков. Сколько тебе лет?» Отвечаю, что скоро тридцать. «Ох, молодой какой ещё! Я прочитал твои стихи в «Правде» – какой же ты молодец, какие стихи! Ты приедешь ко мне в гости на дачу. Сейчас лето, я живу под Москвой, – и сказал адрес, да ещё уточнил, – приедешь, слово даёшь? Приезжай, молодец ты, молодец!» Я пообещал приехать. Потом стал думать – ну я приеду, Господи, ну что

я, думаю, мокрый воробей перед ним. Думаю – потом, потом. И постыдился.

Н.П.: Что бы Вы хотели пожелать автору первой в мире книги о космическом числе русских хатыней – Владимиру Фомичёву и вместе с ним составившему сборник «Сожжённые заживо зывают к нам» – Виктору Кожемяко?

В.С.: Я считаю, что они совершили подвиг! В частности, Фомичёв мог написать роман, мог написать много поэтических книг, но эти годы, всё основное время своё, основные силы свои, поэтическое вдохновение своё и здоровье он посвятил работе над этой трагедией, над памятью о той катастрофе, которую пережила наша с вами родина, народы наши и наш родной русский народ. И я считаю, такие публицисты, как наши с вами герои – Владимир Фомичёв и Виктор Кожемяко – должны быть отмечены не только нашим внима-

нием и нашим уважением, но и самыми авторитетными премиями! И формулировка должна быть такая – «За верность Отечеству, за отвагу во имя Отечества, за русское честное, непоколебимое слово, посвящённое Родине!»

Н.П.: Дорогой Валентин Васильевич, разрешите от всего сердца поблагодарить Вас за это интервью, за Ваше правдивое и праведное Слово, так много значащее для наших читателей! Благодаря таким людям, как Вы, как Владимир Фомичёв, Виктор Кожемяко, как все упомянутые Вами отечественные писатели и публицисты, наша общая память не может сгореть, как сгорели вместе с мирными жителями тысячи безвинных российских деревень!

Беседу вела Нина ПОПОВА